

Баженов А.В.

МЕСТО СТАТИЧЕСКОГО И ДВИЖУЩЕГОСЯ ОБРАЗОВ В ОТНОШЕНИИ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ ПАМЯТИ

Обзор места теоретической психологии памяти в методологии исследования природы психического образа

При обосновании программы методологической или теоретической психологии представляется важным наметить задачи и соотнести предлагаемое с уже известными разработками. Под задачей такого курса мы понимаем конечную цель, и таковой видим обследование способов или путей при познании человеком другого человека в отношении проверки их(путей) не условности, в том или ином виде, но своего рода ссылке на завершенность. В основном (Нагель) под таким предприятием предполагается обращение к рациональности, но более практические исследователи отказывают приоритету рациональности, указывая на опытные начала в психологии. Тем не менее, в том или ином виде методологические приемы в психологии – обязательны, хотя требования к созданию специальной дисциплины пока еще не институализировались. Более того, и философия и психология часто отказывают подобной дисциплине в своем гражданстве и она пребывает в состоянии вечной эмиграции, нигде не находя достойного ресурса управления и даже своего устойчивого и принятого языка. Однако, хотя и оставаясь скорее терминологическим временным прибежищем для исследователей, внутри разного уровня предметов, она еще хранит кредит доверия для того, чтобы начинающий изучать, скажем, психологию, не говоря уже о продвинутых экспериментаторах, стремился дать себе отчет, почему его усилия по созданию некоторого психолого-педагогического продукта от стратегии воспитания до банального теста, включая и выходы в области искусства или

религии, все-таки оправдываются, находя в некоторой степени подтверждающий, а в некоторой, опровергающий его ожидания ответ.

Или иначе, речь идет не об оправдании применимости тестов (хотя и этот вопрос немаловажен для понимания природы психического), а о связи или согласованности между собой более чем одной психической реальности. Хотя бы даже одна психическая реальность, интуитивно и оказывается идентичной той (рациональной) системе, которой она описывается. Конечно, для поставленной цели немаловажно разобраться, что такое психическая реальность и ее идентичность самой себе; каково место опыта в существовании этой реальности для других реальностей. Попытки разрешения этого вопроса ранее не были успешными, особенно в отношении «субъекта» так что перед началом стоит понять ошибки позиции прежних исследователей и, или отказаться от затеянного проекта и отыскать излишне самоуверенные утверждения о психическом, или принять, некоторые утверждения как возможные, надеясь на то, что будущее вынесет свой окончательный приговор в отношении философской или, определяя ее иначе, теоретической психологии (здесь пока мы оставляем в стороне вопрос о месте и статусе методологической психологии, которая вполне жизнеспособна, но именно как часть практической психологии, рефлектируя над методами текущей психологии). Итак, речь далее пойдет не о принадлежности той или иной теории психического установленному порядку удостоверения истинности исследования в какой-то науке, но ее существовании вообще, не условном, но вполне определенном. Для этого требуется удостоверить наличие фактов психической природы и их необходимость существовать по своему собственному праву. Хотя на основании уже оговоренной (предполагаемой) идентичности псих.реальности и системы, ее описываемой, возможно решение о априорности факта сознания, мы согласны с недавно выдвигаемым причинам о поиске других фактов, хотя это не отменяет принятие сознание с оговорками в качестве одного из ключевых явлений в своем месте (В.Соловьев: «Оправдание добра»). Более распространены

опирающиеся на этот «методологический прием» тождества, хотя и с оговорками, исследования вроде нейрофизиологического сканирования и определения функций. Хотя выделяемые здесь функции скорее «надпсихологические» (вроде обнаружения наличие так называемого «зеркального нейрона», в функцию которого входит приписывание существам во вне подобных же «нейронных механизмов», вроде собственных), традиционно выделяются более привычные функции мышления, памяти, воображения, эмоций и т.д. Т.е. и сегодня фактами психического являются функции психического, например, память. Вполне допускается связи не только соединения, но и соподчинения функций на основании единства места, времени, инерции материи. В то же время, функция, скажем, памяти, сама состоит из ряда подфункций (операций), и отдельных действий, более легко отождествляемых, чем вся функция. Так же с другими психическими функциями. Однако не ясны переходы между функциями, хотя и известно, как они могут в случае необходимости заменяться (скажем, мышление, заменяющее память). Отсюда вывод, что и функции не могут иметь свойства необходимого психического, но необходимы лишь при соответствующем «вызове» реальности, потребности. Так, частично функции можно заменить на соответствующие технологически воспроизводимые искусственные дубликаты, но функция, чувствительности к необходимости, или своего рода функция задачи, остается смещенной вовне организма, по крайней мере, в другой подобный организм. Поэтому кроме теорий, опирающиеся на догматическое, а чаще критическое исследование идентичности психического, мы можем встретить теории отказывающих строгой идентичности психического в пользу множественности психического.

Есть ли тогда хоть что-то общее, между теми и другими теориями с точки зрения исследовательских процедур. Интуиция подсказывает, что, все равно должно быть нечто общее даже для принятия столь разных подходов, как «редукция» психического к машинно-компьютерному или, наоборот

возведение психического к сложно (биолого-социологическому (или иному) единству, хотя бы потому, что психическое проявляется в самых разных вариациях, как прямого, неотчуждаемого (скажем, эмоционального) свойства, так и косвенного или прямо отчуждаемого (скажем, воображение) свойства. Хотя мы и в состоянии даже здесь попытаться дать определение психическому, скажем, как, разделенное единство своего и иного, осуществляющегося скорее в своем» (Лосев), но в целом, принятие того или иного варианта – это уже первый вопрос возможности твердого (а не вероятностного) утверждения перед началом исследования психического. Здесь, с целью первоначального определения мы обозначим одну и другую альтернативу начала работы одним термином, - «психический образ», понимая под ним такие свойства как определенность или выраженность существования не только для себя, но и для других а также, своего рода подобии: т.е. то, что между одной, и другой стороны образа существует некоторое соответствие, хотя и не тождественное, даже особенно тем, что в одних случаях фиксируется его подобие, напоминание, а в другом, не подобие, активность. (Возможно, на нечто такое указывает Аристотель в первой главе работы «О душе», когда говорит о начале через два пути: через исследование ощущений и через исследование действий. Образ же Аристотель называет «чувствилищем» (более современные философы обозначали терминами «апперцепционное единство и т.д.). Здесь мы видим сближение Аристотеля со второй, более чем первой, отождествляющей традицией. Таким образом, для начала посчитаем фактом психической реальности – психический образ, структурно несущими функции. Функцию мы примем в самом широком смысле необходимости разных проявлений образа.

1. Память на статические образы

Чтобы предварительно ознакомиться, каковы могут быть направления исследования такого образа и его функций, рассмотрим, на наш взгляд, один

из наиболее дискутируемых и комментируемых экспериментов на определение объема кратковременной памяти с так называемым отсроченным воспроизведением. Итак, вместо обычно воспроизведения элементов опыта после непосредственного предъявления на некотором экране Джордж Сперлинг (1970) предложил модификацию опыта, в котором после данного для запоминания расположенных рядами набора букв или цифр предъявлялся пустой экран, глядя на который испытуемый мог вспомнить данные ему ряды. Однако вместо пустого экрана на соответствующих местах бывших рядов предъявлялся какой-либо условный знак, подсказывающий испытуемому, какой ряд предпочтительнее вспомнить (знак мог быть не только зрительный, но и слуховой, например, указывающий на расположение ряда по звуковому тону. Характер связи этого условного знака и указания ряда — тренировался в предварительных опытах). Исходя из инерционности работы аппарата зрения, так называемой эйдетической (эхоической) памяти можно было бы предполагать угасание предъявленных стимулов, и соответственно, в пределах определенного периода времени, способность дополнительного стимула активизировать дополнительной связью хранящиеся следы и перевести их из инерционной эйдетической, кратковременной памяти в долговременную. Объем памяти в данном промежутке оставался на том же уровне 5-8 единиц воспроизведения. Но из-за неясности приемлемости гипотезы инерционности следов, Дж.Сперлинг воспользовался дополнительной вставкой между предъявлением стимулов и последующим пустым экраном с указателями, картинкой «шума», «стирающей» эйдетический образ. Хотя между предъявлением набора стимулов и появлением указателя на нужный для воспроизведения ряд и воспроизведение отстояло от стимула на время более, чем четверти секунды с предъявлением в промежутке еще и «зрительного шума», как правило испытуемые успешно давали частичный отчет так, «КАК БУДТО», их запоминание удерживало «все» до момента необходимого воспроизведения, «отсекающего» лишнее. (При мат.-статистической

обработке этого опыта принято умножать полученные результаты частичного воспроизведения на количество предъявляемых первоначально рядов исходя из равной возможности воспроизведения любого из данных стимульных рядов).

Хотя этот опыт не был близок по методике подобным им и его результаты частично предсказывались уже в работах В.Джеймса, исследователи столкнулись с необходимостью объяснить: с одной стороны кажущиеся почти «бесконечными» возможности самой иконической памяти, а с другой, процессы перевода одной памяти в другую. В частности, были выдвинуты разные модели обработки информации в когнитивной психологии. По одной из таких моделей, способности мозга к обработке информации не является элементарной функцией. Например, в отношении процесса перевода информации, в задачах на мысленное вращение 3-мерных фигур, увеличение числа признаков такой фигуры и ее сложность не только мешали правильному ее распознаванию, но и помогали (Р.Шепард и др.). Начавшаяся популярность в это время нейрофизиологических исследований мозга поспособствовало росту популярности гипотезы о наличии аналогичных трехмерных нейронов или проецируемого объемного подобия в мозге таким фигурам, однако, отвечающих за этот процесс механизмы не были найдены. Проводимые опыты в отношении иконической памяти также раскрыли более «ранние» механизмы обнаружения зрительной системой фигур, чем представлялось ранее на основе знания характеристик элементарных нейронов. Так, в проводимых в лаборатории Белла (США) опытах на раннее распознавание образов вследствие стереопсиса (бинокулярного зрения), была открыта особенности распознавания и пространственной конфигурации искусственно продуцируемой предъявлением случайно-точечных стереограмм. При повторном предъявлении тех же стереограмм испытуемый мог узнавать уже бывшие стереограммы как пространственные трехмерные образы (в отличие от их двухмерных парных прототипов, отличающихся в стереопаре только совместным смещением нескольких точек в одной в

сравнении с другой). Автор опыта Бела Юлиш назвал такую способности «циклопическим зрением», намекая на возможность более широкого толкования зрения, чем процесса последовательной обработки информации. Близкой к подходу Б.Юлиша представляются исследования механизмов цветового восприятия, как они раскрывались в опытах Эд.Лэнда. Здесь внимание психологов направлялось на место цвета в подобном раннем распознавании, особенно цвета как характеристики пространства. Одна часть опытов шла в направлении моделирования процессов распознавания цвета с помощью технических устройств. Так было показана с одной стороны, имитация видения нужного цвета при воссоздании (не точных) условий видения техническими средствами, а с другой, - продемонстрирована «сопротивляемость» цветового видения последующим механизмам обработки, не готовность мозга «превращать» один цвет в другой также, как с пространственными фигурами (опыты Пола Колерса). Таким образом, для психологии важно было исследование не столько выделяющих человека из среды механизмов, сколько присутствие неизвестных еще механизмов, соединяющих со средой, после которых последующие процессы переработки были уже вторичными. С точки зрения первичности или вторичности или преобладания одних механизмов подстройки (адаптации со средой), или других обработки (информации и действия), важны замечания, данные Дж.Дж.Гибсоном, разработавшим соответствующую теорию «экологического восприятия» и его критерий различия, буквально — коэффициенты, указывающие на ту или иную «природу». (Подобно другим коэффициентам эмпирического эксперимента, предполагалось, что они укажут на «место» процесса). В распоряжении Дж.Гибсона были данные опытов на адаптацию в сложных перцептивных задачах, скажем, на адаптацию зрительного аппарата к ношение перевернутых очков. Было известно, что, кроме того, что для адаптации к искажающему влиянию требуется перестройка других систем, например, вестибулярной и проч., к некоторым свойствам опыта подобная адаптация так и не наступала.

Например, при медленном вращении на центрифуге субъекта, носящего очки с призматическими, перевортывающими «лево-право» очками, вместо ожидаемого, спустя время на адаптацию, вместо возвращения к привычному «образу мира» было обнаружено иллюзорное в два раза быстрее обращение вокруг оси. В подобных опытах на адаптацию и восстановление к привычному образу, которые сопровождались перестройкой когнитивных аппаратов, можно было найти коэффициенты поправки на очки, «учитываемые» испытуемым после обучения. Дж.Дж.Гибсон почитал не обязательным приписывание таких коэффициентов в специально организуемых опытах, - но общее психическим свойством, одинаково действенным в любых ситуациях. Ему представлялось что такое свойство психики раскрывается соответственно возможностям действия «аффордансам», является таковым в отношении других, «неизменных свойств», общих для природы и человека. В этом отношении, если можно ее так назвать, теоретическая или «методологическая психология» такого подхода начинает обозначаться с одной стороны, как наследующая эмпирическую традицию зачинателя психофизики Г.Фехнера, с другой, как основа исследований функций человека, каждая по-своему адаптирующая его к образу его жизни (В последнем случае мы могли бы назвать интересными работы В.Рамачандрана с коллегами по раскрытию биологии и нейропсихологии подобных механизмов, психиатрические комментарии О.Сакса к механизмам перестройки когнитивных аппаратов в связи с их критическими недостатками или заболеваниями, а также работы по исследованию механизмов «виртуальных образов» В.П.Зинченко. Общие требования к методологии подобных исследований мы можем найти также в последних работах В.П.Зинченко. Выводы по памяти 1. Предложенный ряд опытов, нацеленный на определение объема кратковременной памяти, обнаруживает некоторую соотнесенность (или связанность) с характеристиками окружающей среды. (например, пространственными или временными характеристиками. 2. Следует ожидать расширения понимания

функций или признания многофункциональности в отношениях между субъектом и окружающей средой, которую мы можем предварительно определить как образ.

2. Память на «движущиеся» образы

В описанных опытах, требующих от испытуемого перестройки своего когнитивного аппарата, независимыми переменными выступали физические свойства среды, например, пространственно-временные, которые, предполагалось будут неизменными, так как перестройка затрагивала более субъективные его корреляты: кажущуюся скорость перемещения, видимое направление источника света (или цветовая последовательность) или же исключительно свойства пространства (вогнутость или выпуклость предметного мира). Однако в других опытах не все изначально казавшиеся оценивающимися как необходимо обязанные наличию объективного мира, физическими свойствами, в результате опыта «подтверждают». Опыт восприятие может «расщеплять», удваивать, дублировать фиксируемые когнитивной системой человека свойства среды, причем переключая между обоими «видами ощущения» «произвольно/или произвольно, в зависимости от выбранной точки отчета. Уже Э.Мах упоминал о двойственности видимого движения «опускания в поле зрения «стекловидных включений среды глаза, очевидно фиксируемых вовне, и в то же время, произвольно поднимаемыми при этой мысли вверх в этом же «взоре» за счет подключения к мысли волевых эффектов. Таким образом, на фоне мнимой познавательной направленности. В психический образ вступают его эмоционально-волевые компоненты, интуитивно связываемое пока с развитием психического образа. Если бы удалось найти природную связь, т. е. основание, обеспечивающее развитие образа по «канве» природного (химического, психофизиологического, биологического) следования, то возможно, удалось бы отыскать связь между функциями. За задачу исследования психического образа в развитии взялась эволюционная

эпистемология и психология. Предметом изучения становились различные «единицы» от пространственно-временной единицы, до «агрессии» как первобытной реальности психического. Если опыт дает нам указание на некоторую неизменяемость, стабильность физических свойств, то их фиксация в коллективном опыте, последовательности связи в понятиях, может подсказать приоритетность этих физических свойств, а не отказ от норм познания конвенциалистского типа. Наиболее яркими иллюстрациями этого направления стали работы Ж.Пиаже о когнитивном развитии и порядке становления у ребенка представления о пространственно-временных отношениях и причинности, хорошо принятым А.Эйнштейна. Другими, не менее интересными, были работы Л.С.Выготского и его учеников, в отношении роли «непроизвольности» и произвольности в организации познания, а также взаимозависимости и замены их. Ставился вопрос о том, например, как и почему непроизвольное действие (скажем, запоминания) в итоге уступает место произвольному. К примеру, очевидно, что мы можем запоминать факт (скажем, номер телефона), связанными осмысленными блоками, как организованные числовые ряды, а можем поэлементно, как элементарные числа этих рядов, причем, что войдет в запоминание наиболее оптимальным способом (запомнится), зависит от организации деятельности самого субъекта, в свою очередь, зависящего от опосредуемого словом, влияния более «опытного» фактора внутри деятельности запоминания. Произвольным будет то, что перейдет в следующее действие, т. е. Признак произвольности — лишь свойство самой «системы» навыков, которую можно, обдумав, организовать извне. Так, операции запоминания, скажем, по контрасту (ряд слов: собака, полицейский, велосипед может быть связан парадоксальной картиной собаки на велосипеде вопреки полицейскому), результативное в некоторых случаях, чем при запоминании по соседству через заучивание, повторение). Еще результативнее для запоминания может быть деятельности по поиска смысловых объединяющих признаков ряда). В каждом из случаев, опосредующая «картинка», образ, только субъективно

различны, тогда как имеют хорошо измеряемое внешнее организационное единство переходов операций, объединенных структурно свойствами материала и количества «когнитивных операций» выхода и «входа» в систему («купажей», словами Ж.Пиаже). Этим выходам-входам в операционную систему аппарата познания кроме «подсчета» измеряемых единиц (счетчика «прохода» от и к единице, т. е. Элементарного психофизического «линейно-аналогичного» подсчета измерения) соответствует некоторая «эволюционирующая» образец-модель, возможно (как считают некоторые нейрофизиологи), отражаемая в работе нейронной системе (скажем, в связи нейронных афферентных сетей с эфферентными (или еще сегодня называемых «зеркальными» нейронами). Так, в опытах на узнавание абстрактных и конкретных предложений Павио (1969 г.) была обнаружена зависимость узнавания предложения от логических, семантических и лексических трансформациях предложения: в случае конкретных предложений испытуемые легче замечают смысловые изменения, чем изменения формулировок, в случае же абстрактных предложений наблюдается обратная картина. (В опыте после запоминания текстового материала и соответствующей его трансформации по логическому: напр. замены да на нет, или изменения формулировок, опирающихся на связь слов).

Автор эксперимента считает, что смысл конкретного предложения представлен в памяти в виде образов. Если предложение — абстрактное, то образ не дает возможности эффективно сохранять в памяти смысл предложения: смысл должен здесь храниться в форме слов, и поэтому изменения в формулировке будут замечены. Таким образом, в случае произвольного запоминания, последнее эффективно за счет активности по составлению возможного предложения, а в случае произвольного, за счет связывания, хотя не явно проявляющих себя, но имеющихся образов. Критика такой интерпретации заключается в отказе от «выдуманных» фикций образов и слов в пользу их места в функции приспособления среды.

Как правило, критики заменяют данный подход более обобщающим, где на долю психического выпадает роль «переименовывающего» или именующего регистратора событий (Нэд Блок, 2012) считается, что второе свойство памяти, «перетекает» через первое, поскольку мы не можем вполне воспроизвести все, что воспринимали, хотя и знаем о наличии чего-то еще в первом. Такой «несимметричности» иллюзорна, по мнению противников этой теории, поскольку в условиях равенства обстоятельств познания, мы иллюзорно приписываем порядковость или приоритетность того, «почему» нам не удалось познание. Действительные причины такой «не симметрии» лежат не в памяти, как механизме, и даже не в надуманном различии произвольного и непроизвольного при искусственном введении некоторой причинности (психического характера), а в различие или не гомогенности самого восприятия, регистрируемого фактом памяти, как «недоступного» по полноте. Истинная причина может быть скрыта, тогда как память скорее фиксирует «неудачи», мотивируя субъекта на его «покрытие» одним из видов обманчивого перепланирования деятельности. Таким образом, на смену более механическим, по структурности, должны идти функциональные и более материалистические и эволюционные теории психического образа (Д.Деннет). В качестве примера такого подхода можно вспомнить об психической реакции на изменение эмоционального оттенка части образа воспоминания, скажем, когда проснувшись от сна, в котором сновидящему не хватало мелкой монеты расплатиться за услугу, он обнаруживает «незначительность» как нынешней стоимости этой монеты, так, и по выводу, всего сна, хотя, такая точка зрения может быть подвергнута критике, скажем, хотя бы со стороны психоаналитиков. Выводы по памяти 2. Таким образом, исследования памяти в экспериментальной психологии не ограничиваются статическими образами, но включают и движущиеся образы, исследование которых требует к замене традиционной теории памяти-хранилища на более философски обоснованные теории познавательной перестройки интеллектуальных и эмоциональных функций человека.